

ВОЗМУТИТЕЛИ ГЛУБИН

*Секретные операции советских подводных лодок
в годы холодной войны*

XX военные
тайны
века

Н.А. ЧЕРКАШИН

Николай Андреевич Черкашин
Возмутители глубин. Секретные
операции советских подводных
лодок в годы холодной войны
Серия «Военные тайны XX века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10254573

*Возмутители глубин Секретные операции советских подводных лодок в
годы холодной войны: «Издательский дом „Вече“»;
ISBN 978-5-4484-7778-2*

Аннотация

Каждый выход советской подводной лодки на боевую службу был секретной операцией. Но случались и такие походы, о цели которых экипажи кораблей узнавали только в море. Автор книги, известный российский писатель-маринист Николай Черкашин, служивший на подводных лодках Северного флота, рассказывает о самых секретных операциях некогда мощнейшего в мире подводного флота СССР. В книгу включены походные дневники подводников, участвовавших в прорыве морской блокады США острова Куба в 1962 году, а также рассказы участников секретных операций – командиров атомных подводных ракетноносцев стратегического назначения, командующих флотилиями и флотами. Книга открывает еще

одну страницу летописи «потопленного флота» России, полную драматизма и мужества советских моряков-подводников.

Содержание

Предисловие	6
Слово о командире подводной лодки	8
Часть первая. Карибский фокстрот	12
Штрихи к кубинскому ракетному кризису	12
Герои Саргассова моря	13
«Мы думали, в главном штабе засел шпион...»	18
Карибская коррида	22
Саргассово море. 25 октября 1962 года	23
Новая Земля. Октябрь 1961 года	25
Саргассово море. Октябрь 1962 года	27
«Фокстрот» в «акульей клетке»	39
Неуловимая «четверка»	45
Любовь за компот	49
«Командиров не наказывать», или «Живыми не ждали!»	51
Карта на кухне	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Андреевич

Черкашин

Возмутители глубин

Секретные операции

советских подводных лодок

в годы холодной войны

*Всем подводникам, выстоявшим в отсеках
холодной войны*

Предисловие

О действиях советских подводных лодок в годы холодной войны написаны специальные научные труды. Но они не стали достоянием широких читательских кругов. Впервые за эту непростую работу взялся писатель-моряк, капитан 1-го ранга Николай Черкашин. Надо сказать, что ему удалось раскрыть тему и системно, и живо. Возможно, будущие историки, располагая всей полнотой информации, определят более точно периодизацию холодной войны, ее пики и спады, военно-морские замыслы обеих противостоящих сторон. Но вряд ли кто-нибудь из них сделает то, что удалось автору этой книги – донести до современников живой голос подводников, творивших историю в глубинах Мирового океана, передать атмосферу героизма и самопожертвования во имя высших интересов Родины, в которой проходили труднейшие и опаснейшие походы наших подводных лодок.

Автор проделал огромную работу, чтобы собрать уникальный материал, объездил немало городов, где живут ветераны всех четырех наших флотов, расспросил, записал, обработал, выстроил в книгу. Нельзя допустить, чтобы люди, обладающие уникальным опытом подводных походов, уносили свои познания, свою память в небытие.

Разумеется, далеко не все секретные операции нашего подводного флота освещены в этой книге. Некоторые из них

еще не подлежат рассекречиванию. Но для того, чтобы понять стратегическую и военно-дипломатическую роль Военно-морского флота СССР в послевоенные годы, довольно того, что изложено на этих страницах.

Надо заметить, что холодная война, по сути дела, была мировой холодной войной, так, в нее были втянуты флоты всех тех стран, которые принимали участие и во Второй мировой войне, с той лишь разницей, что силы наших бывших союзников объединились с силами бывшей Оси – Западной Германии, Италии, Японии.

Сегодня, когда в информационном пространстве развернулась самая настоящая война за пересмотр итогов глобального противостояния двух систем, важно не сдавать своих позиций, не предавать память тех, кто погиб в океане в ходе якобы бескровной холодной войны. Великий подвиг советских подводников, который они совершали на протяжении многих лет, не должен уйти из памяти народа. Далекое не всем были вручены заслуженные награды. Далекое не всех мы можем назвать сегодня по именам. Но есть надежда, что работа таких подвижников истории флота, как Николай Черкашин, поможет нам восстановить историческую справедливость и историческую память.

Герой Советского Союза, адмирал флота Георгий Егоров

Слово о командире подводной лодки

*Подводное плавание не регламентируется международным морским правом. Плавание под водой – плавание по законам войны.
(Информация к размышлению)*

Флот – гордость страны. Подводники – элита флота. Командиры подводных лодок – соль элиты.

Командир отвечает за все: за корабль и за экипаж, за положение корабля в океане, на глубине, в узкости, в гавани, у причала, в доке, за поведение своих людей на борту, на берегу, в бою и в отпуске, то есть за воинскую дисциплину, за техническую исправность и боевую готовность корабля, за успех атаки и за радиационную безопасность. Одним словом – за все.

Велик груз командирской ответственности. Командир, шутят моряки, это физическое тело, которое мгновенно засыпает от усталости и тут же просыпается от ответственности. Англичане не шутят, когда называют командира первым после Бога. И это так. В руках командира подводного атомного ракетносца сосредоточена огневая мощь, которая сметет с лица земли любой мегаполис, как испепелил Господень гнев Содом и Гоморру. В отдельном плавании командир ко-

рабля наделен правами высшего лица государства, поскольку корабль – суверенная часть территории страны, под флагом которой он находится в океане. В особых случаях ему позволено напрямую выходить на связь с главнокомандующим флотом. Но чаще всего – особенно в подледных походах – командиру подводной лодки приходится принимать решения на свой страх и риск, не испрашивая у вышестоящего начальства «добро».

Командир правомочен скреплять своей подписью свидетельство о браке и свидетельство о смерти. Командир последним покидает отсек затонувшей лодки или борт гибнущего корабля. Рано или поздно командиры кораблей становятся флагманами, адмиралами. Но, даже став главкомом, бывший подводник не снимет с тужурки серебряной лодочки командира подводной лодки. Этот знак и в самом деле равноценен ордену. Вглядитесь в лица командиров.

При всей редкости этой профессии командиров подводных лодок много больше, чем космонавтов. Только в годы Великой Отечественной войны обязанности командиров подводных лодок выполняли 358 человек. 99 из них погибли. Высшей награды – Золотых звезд Героев – удостоены 20 командиров подлодок, среди них двое посмертно – Александр Маринеско в 1990 году и Алексей Матиясевич – в 1995-м. День командира подводной лодки отмечается 25 ноября. В послевоенные годы в горниле холодной войны вышло новое поколение командиров подледного плавания.

Именно они осваивали пространство под ледяным панцирем планеты, всплывали на Северном полюсе, открывали не известные доселе подводные горы, хребты, каньоны...

Вот он стоит и курит, командир.
Он командир большой подводной лодки.
Он спичку зажигает у груди
И прикрывает свет ее пилоткой.

Немного песен о командирах подводных лодок. Но эта, пожалуй, самая задушевная. А командиры порой сами пишут песни. Так, командир подводной лодки Б-409, капитан 1-го ранга Евгений Невярович написал свою «Торпедную атаку». Командир подводной лодки С-141 Анатолий Штыров пишет замечательные рассказы из жизни подводников. Командир атомной подводной лодки, ныне контр-адмирал Георгий Костев стал видным историком послевоенного флота. Все, как подмечено поэтом, море попашут, напишут стихи... Не все же только отчеты строчить. Командир подводной лодки подобен рыцарю со множеством оруженосцев. Именно он ведет бой, он избирает тактику, он осмысливает и утверждает все данные о цели, он стреляет, он отдает команду «пли!» или «пуск!», все остальные ему помогают. Нет еще такой воинской профессии, которая требовала бы столько разнородных знаний, сосредоточенных в одной голове.

Командир подводной лодки не только боец, воин, но и инженер, мореплаватель, ядерный физик, гидролог, астроном,

дипломат, психолог, наконец... Он должен понимать голоса океанских глубин и тайнопись шифротелеграмм, законы движения небесных светил и ледяных полей, природу атомного ядра и душу матроса...

А еще держать в голове сотни директив, приказов, наставлений, правил, инструкций... В нейронах его мозга переплетены параграфы корабельного устава и рекомендаций морских лоций, международные правила по предупреждению столкновения судов и флаги свода сигналов, тактико-технические данные неприятельских кораблей и пункты суточного плана, проза службы и стихи любимых поэтов...

Командиры долго не живут. Довольно одного факта, чтобы представить напряженность службы на той же Четвертой эскадре. Капитан 1-го ранга Игорь Мохов, не вылезавший из «автономок», умер перед строем бригады от разрыва сердца в День Победы. Но даже это весьма символичное и трагичное событие нигде не увековечено – ни в Полярном, где стояла когда-то Четвертая эскадра, ни в Питере, где находится Центральный музей ВМФ.

У всех командиров подводных лодок есть один легендарный прародитель – капитан Немо из жюльверновского романа, который все они читали в детстве и который поманил их в океанские глубины.

Николай Черкашин

Часть первая.

Карибский фокстрот

Штрихи к кубинскому ракетному кризису

Участие четырех советских подводных лодок в прорыве морской блокады США острова Куба можно по праву считать первой послевоенной оперативно-стратегической операцией нашего подводного флота. Секретность подготовки этого похода была такой, что экипажи подводных лодок узнали о том, куда они направляются, только тогда, когда они вышли в море. Все четыре предназначенные для операции, «единички» – Б-36, Б-59, Б-4 и Б-130 – были изолированы от остальных кораблей эскадры и сосредоточены в бухте Оленья. В качестве информационного прикрытия командирам было объявлено, что лодки пойдут в далекую африканскую республику Гана, а штурманы получили комплекты карт на весь Атлантический океан...

Герои Саргассова моря

Самой яростной, самой опасной схваткой советского и американского флотов за все десятилетия холодной войны была та, что разыгралась поздней осенью 1962 года. В ответ на морскую блокаду США Кубы Хрущев приказал бросить в Карибское море подводные лодки. В случае перехвата советских судов они должны были нанести по американским кораблям удар из-под воды. Генсек и министр обороны были уверены, что в зону конфликта ушли подводные атомные крейсера. Но единственный пока что на флоте ракетоносец К-19 находился после тяжелой аварии с реактором в ремонте, а все остальные атомарины только-только вводились в строй. Выбор главкома пал на 4-ю эскадру дизельных подводных лодок в Полярном. А там нашли, что лучше всего к реальным боевым действиям готова 69-я бригада, точнее, ее ядро в составе больших торпедных субмарин Б-4, Б-36, Б-59 и Б-130 – «букашек», как называли их моряки по литературе «Буки».

Это была самая настоящая авантюра, вызванная обстоятельствами почти что военного времени: направить подводные лодки, приспособленные к условиям Арктики, в жаркие тропические моря. Все равно что перебросить пингвинов на выживание в Африку. Все равно что соваться в воду, не зная броду. А «брода» в тех неведомых водах не знал никто, да-

же родимая гидрографическая служба. Еще ни одна советская субмарина не взрезала своими винтами глубины клятого Бермудского треугольника, не бороздила полное мрачных легенд Саргассово море, не форсировала забитых рифами проливов между Багамскими островами. Но самое главное, что и военная наша разведка не знала толком, какие ловушки противолодочной обороны США приуготовлены на случай большой войны. Никто не знал, сколько противолодочных авианосцев и других кораблей бросит Пентагон на поиск советских лодок. Шли в неведомое...

Напрягало нервы и то, что впервые подводники брали с собой в дальний поход торпеды с ядерными зарядами – по одной на каждую лодку.

В самый последний момент новоиспеченный контр-адмирал, командир 69-й бригады, слег в госпиталь. Его военный опыт четко просчитывал: шансов на успех нет. И тогда флагманом почти что обреченной четверки назначили капитана 1-го ранга Виталия Агафонова.

– Есть! – ответил Агафонов и командиру эскадры, и командующему Северным флотом на слова о «важном задании партии и правительства». Особо раздумывать было некогда. На сборы в родном Полярном и расчеты с береговой базой начальство отпустило два часа.

Виталий Наумович Агафонов только что отметил свое сорокалетие. Этот спокойный, рассудительный и хваткий мужичок из вятских крестьян доставил президенту Кеннеди,

может быть, самую острую головную боль. Во всяком случае, много дней кряду американский президент сообщал по телевидению своему народу о ходе большой охоты за «Красными Октябрями». Вместо четырех русских лодок Кеннеди и его адмиралы насчитали пять...

Итак, были сборы недолги. И по-особому секретны. Никто, включая и командиров подлодок, не знал конечной точки маршрута. Чтобы сохранить военную тайну похода, штурманам назначенных кораблей выдали комплект карт всего Мирового океана. Поди догадайся, какую из них придется расстилать на прокладочном столе?

Коммунистам приказали сдать партбилеты в политотдел. Лодки вывели из Полярного в глухую Сайду-губу, оцепленную тройной линией охраны.

– Четыре пакета с боевым распоряжением на поход были вложены в общий пакет с грифами «Совершенно секретно» и «Вручить лично командиру 69-й бригады ПЛ», – вспоминает Агафонов. – Вскрывать пакеты мы должны были только с выходом в море, а объявлять экипажам, куда и зачем идем, – уже в океане. В принципе, задача у нас была не самая отчаянная: совершить скрытный переход через Атлантику и обосноваться в кубинском порту Мариель, это чуть западнее Гаваны. Но, как говорится, гладко было на бумаге...

Рассказ бывшего комбрига дополнили записки командира Б-4, капитана 2-го ранга Рюрика Кетова:

«Провожать нас прибыл заместитель главнокомандующе-

го ВМФ адмирал Фокин... Фокин спрашивает:

“Давайте, товарищи, говорите, что вам неясно?”

Все мнутя. Тут начальник штаба Вася Архипов:

“Нам неясно, зачем мы взяли атомное оружие?”

“Установка такая. Вы должны с ним освоиться”, – ответил кто-то из начальства.

“Хорошо. Но когда и как его применять?”

Молчание. Потом Фокин выдал, что не имеет полномочий сообщать об этом. Начальник Главного штаба флота, адмирал Россохо крепко выругался и произнес:

“Так вот, ребята, записывайте в журналы: “Применять спецоружие в следующих случаях. Первое, когда вас будут бомбить и вы получите дырку в прочном корпусе. Второе, когда вы всплывете и вас обстреляют, и опять же получите дырку. И третье – по приказу из Москвы!”».

Не могу представить, что творилось в те дни на душе Агафонова. Полярнинская эскадра вступила в свою самую черную полосу. Сначала безвестно сгинула в море со всем экипажем подводная лодка С-80. Потом, в январе, рванули торпеды на стоявшей в гавани Б-37. Чудовищный взрыв разворотил не только злополучную субмарину, но и сошвартованную с ней С-350, унеся более ста двадцати моряцких жизней. Летом, в июле, запылал пожар в носовом торпедном отсеке Б-139, обещая подобный же губительный взрыв. Агафонов, оставшись на эскадре за старшего, бросился на мостик горящей лодки и приказал немедленно отходить от причала.

Он вывел Б-139 на середину Екатерининской гавани – если грохнут торпеды, то хоть другие корабли не пострадают. О себе не думал. Пожар укротили только к вечеру – через семь часов после возгорания... И вот теперь этот поход – в самую пасть супостата, как называли подводники вероятного противника. В Полярном оставались жена и двое сыновей. Сможет ли Люба вырастить их одна, если и их ждет участь ребят с С-80? Написать завещание? А что завещать-то? Квартира казенная, кортик да два чемодана нажитого.

Что там доктор говорит? Камни в печени? Какая ерунда!..

Любовь Гордеевна Агафонова работала в гидрометеослужбе эскадры. Почти как в песне: «Ты, метеослужба, нам счастье нагадай!».

«Мы думали, в главном штабе засел шпион...»

За островом Кильдин подводные лодки погрузились и двинулись на запад походным строем.

И пошли корабельные лаги отсчитывать мили и моря – Баренцево, Норвежское, Исландское, Северная Атлантика, Саргассово... Их путь к берегам Америки был перекрыт противолодочными рубежами НАТО, приведенными в повышенную активность ввиду обострения отношений между США и СССР. Сначала проскользнули незамеченными через линию корабельных дозоров и воздушных патрулей между самым северным мысом Европы Нордкап и норвежским островом Медвежий. Затем также скрытно форсировали Фареро-Исландский рубеж, контролируемый британским флотом и американскими самолетами, взлетающими с Исландии. Наконец вышли в просторы Атлантики и взяли курс на Бермудские острова, где их ждал самый главный противолодочный барьер: между Ньюфаундлендом и Азорскими островами...

С первых же походных дней они сразу же угодили в жестокий шторм осеннего океана.

Главный штаб задал явно нереальную скорость для скрытного подводного перехода – 9 узлов. Чтобы выдержать контрольные сроки, приходилось всплывать по ночам и навер-

стывать упущенное время под дизелями. Всплывать приходилось и для зарядки аккумуляторных батарей. Вот тут-то затажной шторм уродовал корабли по-черному. Волны обрушивались с такой силой, что сдирали стальные листы легкого корпуса. Швыряло так, что в аккумуляторных ямах выплескивался электролит, спящих выбрасывало из коек, ломало ребра вахтенным офицерам о планширь, а сигнальщикам выбивало биноклями зубы, если вовремя не увертывались от водопадного удара. Верхняя вахта стояла в резиновых гидрокомбинезонах, приковав себя цепями к перископным тумбам, чтобы не смыло за борт. Но шли, точно минуя в положенные сроки контрольные точки маршрута.

От Азорских островов повернули на Багамы. Резко потеплело. Температура забортной воды поднялась до 27° по Цельсию. Начиналось новое истязание – жарой, духотой, пеклом. У тех, кто еще ныне жив, до сих пор выступает на лбу испарина при слове «Саргассы». Да, это были тропики и жара, несмотря на исход октября, стояла тропическая. Даже глубина не охлаждала перегретых корпусов лодок. Отсеки превратились в автоклавы, в которых плавилась пайковый шоколад и пластилиновые печати. Механизмы исходили маслом, люди – потом, сосновые переборки в жилых отсеках – смолой.

Надвигался самый главный противолодочный рубеж – между островом Ньюфаундлендом и Азорским архипелагом... Когда-то мореплаватели считали Саргассово море

непроходимым из-за зарослей гигантских водорослей, цеплявшихся за днища кораблей. Американцы сделали этот миф явью, только вместо исполинских растений по морскому дну стелились тысячи километров кабелей, связывающих разбросанные по вершинам подводных гор гидрофоны-слухачи в единую оповестительную систему. Система «Цезарь» была приурочена на случай большой войны в океане, и случай этот, посчитали американцы, наступил: систему освещения подводной обстановки ввели в боевой режим. Операторы береговых станций сразу же засекали технические шумы на общем биофоне океана. Откуда Агафонов мог знать, что дальше его «букашки» подстерегает еще более мощная и разветвленная система подводного целеуказания СОСУС? Подводники оказались в положении разведчиков, которые надеялись укрыться в лесу, где под каждым кустом торчал микрофон, а из каждого дупла подглядывала видеокамера. Стоило только на минуту поднять перископ, как радиометрист тут же докладывал о работе американских радаров, обзревавших поверхность океана с противолодочных кораблей и патрульных самолетов. Нырjali, но проходило время и уже гидроакустик тревожным голосом сообщал о шумах винтов приближающихся фрегатов. Лодки уклонялись от них, следуя новейшим тактическим разработкам. Тем не менее при повторных попытках глотнуть воздуха подвсплытие заканчивалось очередным пируэтом над бездной.

– Куда ни уйдешь – всюду тебя поджидают! – рассказы-

вает бывший помощник командира Б-36 Анатолий Андреев. – Мы даже стали думать, что в Главном штабе ВМФ засел шпион, который четко отслеживал все наши маневры.

Однако невидимый и неслышимый подводный соглядатай залег на дне Саргассова моря. Вот на его прозрачной во всех отношениях арене и разыгралась драма северофлотских подводных лодок. Драма, едва не ставшая трагедией...

Карибская коррида

Год 1962-й после рождества Христова мог стать последним годом нашей эры... Два человека решали судьбу своих стран, судьбу каждого из нас, а, в общем-то, жизнь каждого существа на планете: лидеры ядерных сверхдержав – Джон Кеннеди и Никита Хрущев. Каждый из них мог отдать приказ об атомном ударе. Но был и третий человек, который так же, как и они, решал для себя этот мучительный вопрос. Вопрос по разумению Бога, а не простого смертного. Ему же тогда было столько, сколько и распятому Богу, – тридцать три. О нем не знал ни Кеннеди, ни Хрущев. О нем и сейчас никто ничего толком не знает... Но он был и он жив в отличие от своих высокопоставленных однодумцев, и я еду к нему домой – на северную окраину столицы: в Медведково.

Капитан 1-го ранга в отставке Николай Александрович Шумков.

В той дьявольской корриде американских кораблей и советских подводных лодок он был единственным командиром, который имел опыт стрельбы ядерными торпедами...

Саргассово море. 25 октября 1962 года

Когда командир большой океанской подводной лодки Б-130 капитан 3-го ранга Шумков получил из Москвы распоряжение – «Перейти на непрерывный сеанс связи», – он понял, что до войны с Америкой, до новой мировой – термоядерной – войны остались считанные часы, если не минуты.

Непрерывный сеанс связи – это значит, что вот-вот поступит приказ «применить спецоружие» по кораблям противника. За противником далеко ходить не надо – американские эсминцы и фрегаты галсируют прямо над головой. Главная цель – противолодочный вертолетоносец «Эссекс» – тоже неподалеку, в пределах досягаемости дальнеходной торпеды с ядерным БЗО (боевым зарядовым отделением).

«Непрерывный сеанс» – это значит, что лодка постоянно должна находиться с выставленными над водой антенной и перископом. И это в прозрачайшей воде Саргассова моря, и это в скопище противолодочных кораблей, которые всю ищут шумковскую лодку и уж наверняка не упустят случая «нечаянно» пройти килем по ее рубке, как только заметят белый бурун перископа. Но приказ есть приказ, и Шумков держался на 12-метровой глубине, режа волну поднятой антенной и обоими перископами – зенитным и командирским.

Нет худа без добра – лодочный «осназовец» (радиораз-

ведчик) подключился к антенне и тщательно прослушивал эфир. Он-то и принес в центральный пост последний радиоперехват:

– Товарищ командир, с авиабазы Рузвельтгост вылетел противолодочный самолет «Нептун». Он получил распоряжение иметь бортовое оружие в готовности к применению.

Час от часу не легче... Слово, которое второй месяц ныло в мозгу, как больная жилка, становилось реальностью: ВОЙНА! Два носовых аппарата были заряжены атомными торпедами. Как они взрываются, Шумков знал лучше, чем кто-либо. Год назад он стрелял ими в бухте Черной на Новой Земле.

Новая Земля. Октябрь 1961 года

Сначала был залп для надводного взрыва атомного БЗО. Шумков наблюдал за ним в перископ, надев густо затемненные очки. Но и сквозь них пронзительная вспышка света больно резанула по глазам. А дальше, как на учебном плакате – над Черной бухтой встал дымный грибовидный смерч...

Вторую атомную торпеду он выпустил три дня спустя. Она вышла с заглублием в 30 метров, и, пока неслась в назначенный квадрат, Шумков успел увести свою Б-130 за скалу. Но и там он ощутил, как вздрогнул океан, словно раненый кит... Огромный водяной горб вспучился посреди бухты. Гидродинамический удар встряхнул подводный корабль. Хорошо, что успели выключить гидроакустическую аппаратуру...

За те испытательные взрывы китель молодого офицера украсил орден Ленина. Именно поэтому Шумкова, как единственного командира, имевшего реальный опыт стрельбы атомными торпедами, и направили к берегам Кубы – под Америку. Да и экипаж Б-130 был под стать командиру – сплаванный, сбитый, обученный, матросы по четвертому году служили, с такими хоть к черту на рога, хоть на прорыв американской блокады...

Итак, в ответ на морскую блокаду США Кубы Хрущев приказал бросить в Карибское море подводные лодки. В слу-

чае перехвата советских судов, они должны были нанести по американским кораблям удар из-под воды...

Саргассово море. Октябрь 1962 года

Мир качался на грани бездны. Это чувствовали все – от русского командира до американского президента. Джон Кеннеди на встрече с журналистами вдруг стал читать наизусть стихи:

Бой быков. Горлопаны толпою
Собрались на огромной арене,
Но один лишь из них все знает,
Он один лишь с быком сразится...

Тем временем коррида в Саргассовом море становилась все ожесточеннее.

...Шумков не стал ждать, когда прилетит противолодочный самолет, имевший приказ о применении бортового оружия, и велел погружаться. Однако американцы уже засекали подвсплывшую на сеанс связи субмарину.

Корабли неслись на всех парах с явным намерением таранить русскую лодку. От удара по корпусу спасли сорок секунд запоздания ближайшего эсминца и двадцать метров уже набранной глубины. Вой рубящих воду винтов пронесся над головами подводников... А если б меч форштевня все же врезал по рубке субмарины? Пятикилометровая глубина надежно бы скрыла братскую могилу семидесяти восьми моряков. И никаких проблем с международной ответственностью.

стью. Сгинула лодка в Бермудском треугольнике так же неизвестно, как пропала С-80 в Баренцевом море или дизельный ракетносец К-129 в районе Гавайских островов – никаких нот и никаких протестов. Кому, за что? Кто видел? Кто докажет? Воистину – концы в воду...

Что толку переживать о собственной участи, когда на кону стояла судьба планеты – быть или не быть? Больше всего его сейчас тревожило одно: успеет ли он с ответным ударом или его отправят в пучину не за понюшку табака.

А за бортом уже рвались глубинные бомбы: громынуло слева... Громынуло справа...

Шумков хорошо помнил последнее напутствие начальника штаба Северного флота, адмирала Рассохо: «Оружие применять только по приказу из Москвы. Но если ударят по правой щеке – левую не подставлять!»

Рвануло так, что погасли плафоны.

– Центральный! Взрыв на носовой надстройке! – прокричал динамик голосом командира первого отсека.

– Осмотреться в отсеках! – Это было все, что мог ответить первому Шумков.

– Нас бомбят! – мрачно уточнил кто-то ситуацию. Врубил аварийное освещение, и Шумков сразу же ощутил на себе с полдюжины взыскующих взглядов. Они мешали сосредоточиться и понять: «Это что, тебя уже ударили по правой щеке? Надо отвечать?»

И тут его осенило (а если б не осенило?!): это не бом-

бежка. Это американцы швыряют в воду сигнальные гранаты – три взрыва по международному коду приказ немедленно всплыть. Но Б-130 стремительно погружалась. Третья граната упала прямо на корпус, и ее взрыв заклинил носовые рули глубины.

Глубиномер показывал 160 метров. Это до поверхности моря. До предельной глубины погружения еще меньше. А до грунта – аж пять с половиной километров. Эх, недаром древние пили за живых, за мертвых и за тех, кто в море. Помните и нас там, в Полярном! «Не думали, братцы, мы с вами вчера, что нынче умрем под волнами...» Похоже, амба!

– Центральный! Шестой топит!!.. – вскрикнул динамик межотсечной связи и нехорошо замолчал. В шестом – гудят гребные электромоторы, там ходовые станции под напряжением... Туда соленой воды плеснуть – все равно, что бензином тлеющие угли окатить. Вот только пожара до полной беды не хватало! «Господи, спаси и сохрани!» – сама собой припомнилась молитва бабушки, сибирской казачки...

– Центральный! Течь ликвидирована! Шестой...

– Есть, шестой!

Ладонь Шумкова стерла со лба холодную испарину. Холодную! Это в сорокаградусном-то пекле.

А корпус лодки звенел, будто по нему хлестали бичами. Хлестали, только не бичами, а импульсами гидролокаторов. Эсминцы, нащупав ультразвуковыми лучами стальную акулу, взяли ее в плотную «коробочку». Шумков попытался вы-

рваться из нее на жалких остатках энергозапаса. Дергался вправо, влево, менял глубины – куда там. Что-что, а электроника у американцев классная. Сталь стонала под ударами посылок. Виски от них ныли...

А тут еще в центральном посту возникла фигура мичмана-радиоразведчика.

– Товарищ командир, прошу прощения – ошибочка вышла. В радиограмме было не «оружие приготовить», а поисковую аппаратуру.

У Шумкова уже не было сил послать его подальше...

Чтобы хватило электричества на рывок, командир приказал выключить электроплиты камбуза и сократить освещение в отсеках до предела. В душной жаркой полутьме застыли у приборов и экранов тени растелешенных до трусов людей с полотенцами на шее. Больше всего берегли акустиков – «глаза» подводной лодки.

«Чтобы у нас не было теплового удара, – вспоминает флагманский специалист бригады, ныне контр-адмирал в отставке В. Сенин, – нам на получасовую вахту выдавали пол-литра воды, по температуре и вкусу похожую на мочу. Несмотря на это, гидроакустическая вахта неслась непрерывно, положение преследовавших нас эсминцев постоянно фиксировалось в вахтенном аппаратном журнале, хотя он и был обильно залит нашим потом».

Шумков:

– Удивить – победить! Удивить американцев мы могли

только одним: развернуться на циркуляции и рвануть в сторону Америки. Что мы и сделали...

Эсминцы-охотники и в самом деле этого не ожидали. Полуживая рыбина вырвалась из сети гидролокаторных лучей и на пределе сил вышла из зоны слежения. Б-130 уходила от преследователей со скоростью... пешехода. Старая и порядком истощенная батарея, которую не успели сменить перед походом, выжимала из своих пластин последние ампер-часы. Забрезжившая было надежда на успешный исход поединка снова стала меркнуть, едва акустик бросил в микрофон упавшим голосом:

– По пеленгу... слышу работу гидролокатора.

Шумков сник – сейчас снова накроют. Знать бы ему тогда, какой переполох вызвал его четырехчасовой отрыв на противолодочном авианосце «Эссекс», в группировку которого входили незадачливые эсминцы. В воздух были подняты все палубные самолеты и вертолеты. Эсминцы строем фронта бороздили квадрат за квадратом. Искали всей мощью поисковой радиоэлектроники – под водой и над водой.

А скорость Б-130 упала до полутора узлов. Дряхлый старец тащится быстрее. Батарея разрядилась, как доложил механик, почти «до воды». Если замрет самый слабосильный мотор экономхода, то лодку просто не удержать на глубине – начнет тонуть. Всплывать?

Шумков оглядел мокрые, изможденные лица своих людей, заросшие черной щетиной. Четвертые сутки они дыша-

ли не воздухом даже – чудовищным аэрозолем из паров соляра, гидравлики, серной кислоты, сурьмянистого водорода и прочих аккумуляторных газов. Эта адская взвесь разъедала не то что легкие – поролоновые обрезки, которыми были набиты подушки. Шумков не сомневался, что его экипаж дышал бы этим ядом и пятые, и шестые, и седьмые сутки, если бы позволял запас энергии для подводного хода. Но он иссяк раньше, чем человеческие силы.

– По местам стоять! К всплытию!

Американские вертолетчики, зависнув над морем, с замиранием сердца следили, как в прозрачной синеве водной толщи смутно забрезжило длинное тело черного чудища. Первыми вынырнули змееголовый нос и фас узколобой глазастой рубки. Б-130 – по американской классификации лодка типа «фокстрот» – всплыла в позиционное положение. Без дизелей подводники не могли даже продуть остаток балласта.

Эсминцы немедленно взяли лодку в тесное кольцо. Так конвоиры держат пойманного беглеца.

Сгрудившись у лееров, американские моряки в белых тропических шортах и панамках побрасывали в рот поп-корн и с интересом разглядывали полуголых, в синих разводах людей, которые жадно хватали ртами свежий воздух. Откуда им было знать после своих настуженных кондиционерами кают и кубриков, из какого пекла вырвались эти доходяги? И уж вовсе не могли догадаться о том, что синий цвет их телам

придавали линючие синие трусы и майки фасона «Родина дала, Родина и смеется».

В Москву полетела неслыханная, немислимая, убийственная шифрограмма: «Вынужден всплыть. Широта... Долгота... Окружен четырьмя эсминцами США. Имею неисправные дизели и полностью разряженную батарею. Пытаюсь отремонтировать один из дизелей. Жду указаний. Командир ПЛ Б-130».

Этот текст радиотелеграфисты выбрасывали в эфир 17 раз. Американцы забивали канал связи помехами. Понадобилось шесть часов, чтобы Москва узнала о беде «сто тридцатки»...

– Все инструкции предписывали всплывать только в темное время суток, – вспоминает ныне Шумков, – я же вопреки им тянул со всплытием до рассвета. Почему? Да потому, что в темноте им было бы легче скрыть факт тарана. На свету же увидели бы многие...

Эсминец «Бэрри» (бортовой номер DD 933) ринулся на нас, нацелив форштевень на середину лодки. Мы же лежали в дрейфе – ни отвернуть, ни уклониться. Я стоял на мостике. Метров за тридцать корабль резко отвернул в сторону – нас обдало отбойной волной. Я немедленно передал семафор на флагманский корабль «Блэнди»: «Дайте указание командиру эсминца, бортовой номер DD 933, прекратить хулиганство.»

«Бэрри» застопорил ход. Он покачивался от нас в полста метрах. Я хорошо видел его командира – рыжего, в от-

глаженной белой рубашке, с трубкой в руке. Он смотрел на меня сверху вниз – мостик эсминца выше лодочной рубки. Поодаль стоял здоровенный матрос-негр, он весьма выразительно показывал нам на носовой бомбомет «Хеджихог» – мол, вот чем мы вас накроем, если попытаетесь нырнуть... Это можно было пережить. Вале Савицкому было еще хуже. Когда подняли его Б-59, американский оркестр сыграл в его честь «Фар де дудль», что-то вроде нашего «Чижика-пыжика».

Среди тех, кто разглядывал с борта «Бэрри» русскую субмарину, был молодой лейтенант Петер Хухтхаузен. Пройдут годы, и он станет военно-морским атташе США в СССР. Я познакомился с ним в Америке – во флотском «академгородке» Аннаполисе. Он хорошо помнил те дни.

– Разумеется, мы смотрели на русские субмарины, как на незваных гостей. Ведь всего каких-то двадцать лет назад в этих же самых водах действовали германские подводные лодки. Однако никакой ненависти к вашим морякам мы не испытывали. Все понимали, что это продолжение большой политики иными средствами. Никто не хотел большой войны, да еще с русскими.

Русские тоже не хотели термоядерного побоища, несмотря на обещания советского лидера «показать Кузькину мать». В самые пиковые дни Карибского кризиса Хрущев направил Кеннеди необычное послание – грампластинку с записью песни «Хотят ли русские войны?». Такая же грампла-

стинка была на лодке и Шумкова. Никто не хотел воевать...

* * *

Если бы офицеры в ту пору были верующими, то любой командир-дизелист ежеутренне и ежевечерне возносил бы Богу одну-единственную молитву: «Господи, не попусти потерять ход в океане! Спаси и сохрани наши дизеля! А о душах мы сами позаботимся...»

На больших океанских подводных лодках 641-го проекта стояли три дизеля, три линии вала, три винта. Один скиснет, есть еще два, на худой конец, и на одном управиться можно. Но на «сто тридцатке» вышли из строя сразу все три, довольно новых форсированных двигателя. Это было много больше, чем пресловутый «закон подлости». Тут попахивало мистикой Бермудского треугольника, на южных границах которого и крейсировала Б-130. А точнее, халтурой рабочих Коломенского завода, по вине которых треснули приводные шестерни. Запасные детали такого рода в бортовой комплект не входили. Их даже не оказалось потом на складах Северного флота. Вышедшие из строя дизели подлежали только заводскому ремонту. Для капитана 2-го ранга Шумкова это был приговор судьбы. Из Москвы пришел приказ – возвращаться домой, идти в точку встречи с буксиром.

...С грехом пополам мотористы Шумкова наладили один дизель и медленно двинулись на норд-ост – на встречу с вы-

сланным спасательным судном СС-20. Эсминцы сопровождали коварный «фокстрот» до точки рандеву, пока не убедились, что подводную лодку взяли на буксир и никаких фокусов она больше не выкинет.

Шумков:

– Американцы проводили нас до 60-го меридиана, который Кеннеди определил как «рубеж выдворения» советских подводников. На прощание с «Бэрри» просемафорили почему-то по-украински – «До побачення»! Однако через год я снова туда вернулся – на атомном ракетноносце К-90. А потом еще... Холодная война на морях еще только разворачивалась.

Николай Александрович Шумков, капитан 1-го ранга в отставке, живет в однокомнатной квартире вдвоем с женой. На книжной полке – модель подводной лодки. На настенном ковре – икона Николая Чудотворца, покровителя моряков.

– Наверное, только он и удержал меня от рокового шага... Сегодня, с горы своих лет ясно вижу, по краю какой бездны мы ходили. Конечно, я мог уничтожить своей ядерной торпедой американский авианосец. Но что бы потом стало с Россией? С Америкой? Со всем миром?

* * *

Когда убили Джона Кеннеди, моя бабушка, тверская крестьянка, пережившая две мировые войны, заплакала. Ей бы-

ло жалко его – такой молодой и красивый.

По Биллу Клинтону она плакать бы не стала. Как, впрочем, не плакала и по Хрущеву.

«Мы зароем вас!» Эта опрометчивая фраза, брошенная американцам Хрущевым сорок лет назад, обошлась заокеанским налогоплательщикам (да и нашим тоже) в миллиарды долларов. Никто не хотел быть зарытым, и потому обе сверхдержавы бешено вооружались на суше, море, в небе и под водой. Хрущев выкрикнул эти слова, ставшие девизом холодной войны, в эйфории от самого мощного за всю историю цивилизации взрыва, который произвели советские специалисты. Тогда, 30 октября 1961 года над Новой Землей вспыхнуло на полторы минуты Новое Солнце – термоядерное, мощностью в 50 мегатонн тротилового эквивалента.

Мог ли подумать тогда лидер мирового коммунизма, что его сын станет гражданином именно той страны, которую его отец, отчаявшись догнать «по молоку, мясу и маслу», пообещал зарыть с помощью сахаровской супербомбы?

Этот факт можно было бы считать красноречивым итогом холодной войны, если бы в тот год, когда Хрущев-младший давал свою клятву на верность Соединенным Штатам Америки, полторы сотни молодых его бывших соотечественников не отправились в калужские леса на поиски обломков самолета, в котором погиб в войну старший лейтенант Леонид Хрущев – старший брат новоиспеченного американца. Я видел обрывок его шлемофона, который вместе с осколками

ми пилотского фонаря принес в редакцию поисковик Вадим Чернобров. По иронии судьбы, останки Леонида Хрущева опознали именно по шлемофону, сделанному в США из превосходного американского шеврета. «Леонид шика ради носил лендлизовский шлемофон», – сообщили поисковикам его родственники. Когда Вадим приложил к пулевой пробине в «плексе» правой форточки, продырявленный справа, обрывок шлемофона – оба отверстия фатально совпали.

Братья Хрущевы... Братья Кеннеди... Выпущенные пули. Невыпущенные торпеды. Карибская коррида, в которой, по счастью, не пролилась кровь ни быков, ни матадоров, ни зрителей поневоле.

«Фокстрот» в «акульей клетке»

«Остановить нас могла только гибель!» Не склонный к пафосу и патетике Агафонов вывел эти слова в своих записках о походе «по плану Кама» так же просто и буднично, как замечания о запасах топлива или температуре забортной воды. Тем убедительнее они звучат...

Через несколько суток участь шумковской лодки разделила и Б-36, которой командовал бывалый подводник, капитан 2-го ранга Алексей Дубивко. Б-36 почти что прорвалась в Карибское море. Она уже вошла в пролив Кайкос – главные ворота в гряде Багамских островов, разделяющих Саргассово и Карибские моря. Однако неожиданное распоряжение Главного штаба заставило ее выйти из пролива и занять позицию поодаль. Этот, до сих пор не понятный Дубивко приказ навлек на «тридцатьшестерку» позор принудительного всплытия. Все было почти что так, как у Шумкова. После двухсуточного поединка с кораблями-охотниками, разрядив батарею «до воды», Б-36 всплыла, на радость супостату.

«Нужна ли помощь?» – запросил по светосемафору флагманский эсминец «Чарльз Сесил», не сводя с лодки наведенных орудий.

– Пожалел волк кобылу! – усмехнулся Дубивко, но на запрос велел передать: «Благодарю. В помощи не нуждаюсь.

Прошу не мешать моим действиям».

Но именно для этого и собрались вокруг всплывшего «фокстрота» американские эсминцы. Именно для этого маячил невдалеке железный айсберг авианосца, с которого то и дело взлетали вертолеты, чтобы эскортировать русскую подлодку с воздуха. Причина такой сверхплотной опеки скоро выяснилась – радиоразведчик принес командиру бланк с расшифровкой перехвата. Это было личное распоряжение президента Кеннеди командиру поисковой авианосной группы: «Всплывшую русскую субмарину держать всеми силами и средствами».

Тем временем все три дизеля исправно били зарядку разряженных аккумуляторов. Ненормально высокая температура электролита – 65°! – затягивала эту и без того длительную процедуру. Нет худа без добра: успели зато отремонтировать то, что нельзя было починить под водой, а главное – разработать маневр отрыва. После «совета в Филях», проведенного в офицерской кают-компании, капитан 2-го ранга Дубивко, человек, хитроумный от природы, составил себе окончательный план действий. Главная роль в нем отводилась гидроакустикам. В нужный момент, настроившись на частоту посылок «Чарльза Сесила», они должны были забить приемный тракт его гидролокатора своими импульсами. А пока, развернув нос лодки в направлении Кубы, Дубивко выжидал. Выжидал очередной смены воздушных конвоиров. Когда дежурная пара «Си Кингов» – «Морских королей» – уле-

тела заправляться на авианосец, а их сменщики еще раскручивали на палубе винты, Дубивко скомандовал «срочное погружение». Никогда еще лодки не погружались столь стремительно. Уйдя за считанные секунды на глубину, Дубивко круто изменил курс и поднырнул под флагманский эсминец. Затем спикировал на двести метров вниз и на полном ходу, описав полукруг, лег на обратный курс – прочь от Кубы. Все это время гидроакустики, включив излучатели на предельную мощность, слепили экраны своих коллег-противников на эсминце. Так и ушли, вырвавшись из «акульей клетки».

– Ну, теперь Кеннеди даст им деру! – радовались в отсеках.

Видимо, и в самом деле дал, потому что американские противолодочники, озверев от выходов русских подводников всю отыгрались на третьей «поднятой» субмарине – Б-59 (командир – капитан 2-го ранга Валентин Савицкий). Она всплыла посреди поискового ордера, в миле от авианосца «Рэндолф», стоявшего в охране дюжины крейсеров, эсминцев и фрегатов. В предрассветной темени на лодку спикировал палубный штурмовик «Треккер». Душераздирающий рев моторов, снопы мощных прожекторов оглушили и ослепили всех, кто стоял на мостике. В следующую секунду из-под крыльев самолета вырвались огненные трассы, которые вспороли море по курсу Б-59. Не успели опасть фонтаны поднятой снарядами воды, как с правого борта пронесся на высоте поднятого перископа второй штурмовик, подкрепив

прожекторную атаку пушечной очередью по гребням волн. За ним немедля пролетел третий «Треккер», разрядив свои пушки вдоль борта беспомощной субмарины. Потом – четвертый, пятый... Седьмой... Десятый... Двенадцатый...

Едва закончилась эта воздушно-огненная феерия, как к лодке ринулся эсминец «Бэрри», должно быть, полюбоваться произведенным впечатлением. С кормы, справа и слева подходили еще три его собрата, нацелив на «Фокстрот» расчехленные оружейные автоматы, торпедные аппараты и бомбометы. Намерения у них были самые серьезные. Вот когда Савицкий искренне пожалел, что на лодки 641-го проекта перестали ставить пушки. В ружейной пирамиде второго отсека хранились лишь несколько карабинов для верхней вахты да с десятков офицерских пистолетов. Если бы с эсминцев перескочили на корпус абордажные группы, нечем было достойно их встретить.

– Чей корабль? Назовите номер! Застопорьте ход!

Запросы и команды, усиленные электоромегафоном, неслись с «Бэрри» на русском языке. По-русски отвечал и Савицкий, направив в сторону эсминца раструб выдавшего вид «матюгальника»:

– Корабль принадлежит Советскому Союзу! Следую своим курсом. Ваши действия ведут к опасным последствиям!

С антенны Б-59 срывалась одна и та же шифровка, адресованная в Москву: «Вынужден всплыть... Подвергаюсь постоянным провокациям американских кораблей... Прошу

дальнейших указаний». В эфире вовсю молотили глушилки. Только с сорок восьмой попытки (!) Москва услышала наконец голос «Буки полста девятой»...

Малым ходом, ведя форсированную зарядку батареи, затравленная субмарина упрямо двигалась на запад. Весь день эсминцы-конвоиры мастерски давили на психику: резали курс под самым форштевнем, заходили на таранный удар и в последние мгновения резко отворачивали, обдавая лодку клубами выхлопных газов и матерной бранью, сбрасывали глубинные бомбы, норовя положить их в такой близости, что от гидравлических ударов в отсеках лопались лампочки и осыпалась пробковая крошка с подволока. При этом они чувствовали себя в полной безопасности, так как находились в «мертвой зоне» для лодочных торпед. Но время работало на подводников, точнее, на их аккумуляторную батарею, чьи элементы с каждым часом зарядки наливались электрической силой.

Б-59 шла в окружении четырех эскадренных миноносцев, которые перекрывали ей маневр по всем румбам. Единственное направление, которое они не могли преградить, это путь вниз —

в глубину. Савицкого подстраховывал на походе начальник штаба бригады, капитан 2-го ранга Василий Архипов. Вдвоем они придумали замечательный фортель...

С мостика «Бэрри» заметили, как два полуголых русских матроса вытащили на кормовую надстройку фанерный

ящик, набитый бумагами. Подводники явно пытались избавиться от каких-то изобличающих их документов. Раскачав увесистый короб, они швырнули его в море. Увы, он не захотел тонуть – груз был слишком легкий. Течение быстро отнесло ящик в сторону. И бдительный эсминец двинулся за добычей. Для этого ему пришлось совершить пологую циркуляцию. Когда дистанция между ним и лодкой выросла до пяти кабельтовых (чуть меньше километра), подводная лодка в три мгновения ока исчезла с поверхности моря. Нетрудно представить, что изрек командир «Бэрри», вытаскивая из ящика размокшие газеты «На страже Заполярья», конспекты классиков марксизма-ленинизма и прочие «секретные документы».

Уйдя на глубину в четверть километра, Савицкий выстрелил из кормовых торпедных аппаратов имитаторы шумов гребных винтов. Так ящерицы отбрасывают хвост, отвлекая преследователей. Пока американские акустики гадали, где истинная цель, где ложная, Б-59 еще раз изменила курс и глубину, а потом, дав полный ход, навсегда исчезла для своих недругов.

Неуловимая «четверка»

Только одна лодка из всего отряда – Б-4, – та самая, на которой находился комбриг Агафонов, ни разу не показала свою рубку американцам. Конечно, ей тоже порядком досталось: и ее загоняли под воду на ночных зарядках самолеты, и по ее бортам хлестали взрывы глубинных гранат, и она металась, как зафлаженный волк, между отсекающими барьерами из гидроакустических бுவ, но военная ли удача, а пуще – опыт двух подводных асов, Виталия Агафопова и командира капитана 2-го ранга Рюрика Кетова, – уберегли ее от всплытия под конвоем.

Несколько слов о Рюрике Кетове. Из «талмудистов», так в шутку называют выпускников ТОВВМУ – Тихоокеанского высшего военно-морского училища. Отец погиб на войне под Старой Руссой.

ТОВВМУ Кетов окончил в 1950 году. Кортик вручал вручал ему министр Военно-морского флота, адмирал флота Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов. Трудно придумать лучшее благословение начинающему службу офицеру. Кетова прочили на кафедру артиллерии, место держали, но он отпросился в подводники. Отправили на Камчатку, но все подводные вакансии были уже заняты. Пришлось согласиться для начала на плавбазу.

Характер более, чем независим. Один из старых подвод-

ников вспоминал:

«В Обнинске, в учебном центре атомного флота собрали в октябре 1964 года коммунистов, чтобы те одобрили решение ЦК КПСС о снятии Хрущева. Единственный, кто вступился за генсека, был капитан 2-го ранга Кетов. Он сказал: “А чего это я должен одобрять? Я не знаю, что конкретно Хрущеву ставится в вину. Завтра, быть может, любого из них, – он кивнул на стенд с портретами Политбюро, – могут снять, а я должен одобрять?!”

Все зашумели, и начальник политотдела Зеленин поспешил объявить перерыв. Каждого убеждали по одиночке – одобрить решение. Тем не менее Кетов настоял на резолюции – “Принять к сведению”.

Командир Б-4 был быть может единственным коммунистом во всей КПСС, кто вступился за опального генсека».

...Агафонов листал справочник по иностранным флотам. Все американские противолодочные авианосцы были построены в годы прошлой войны для действий против немецких и японских субмарин. Возможно, командиры того же «Эссекса» или «Рэндолфа» воевали в сорок пятом против японцев так же, как и лейтенант Агафонов. Теперь интриги политиканов свели их в Саргассовом море, как ярых врагов...

Близким взрывом глубинной гранаты выбило сальник в боевой рубке. Ударила мощная струя забортной воды. Прочную рубку перекрыли нижним люком и врубили для про-

тиводавления сжатый воздух. Заделать отверстие вызвался мичман Костенюк. В рубке стояла такая же отравка, как и во всей лодочной атмосфере. Но токсичность вредных газов под давлением резко возрастает. Мичман Костенюк устранил течь на пределе человеческих сил. Из рубки его извлекли в полуобморочном состоянии. В награду вручили банку консервированного компота. Это единственное, что принимали душа и тело в душном пекле отсеков.

Командир Б-4 Рюрик Кетов: «Мою лодку тоже обнаруживали, преследовали и бомбили. Но отрывался, везло. Как-то действительно чуть не подняли. Кому-то из мудрых штабистов пришла в голову идея назначить собирательный сеанс связи, в ходе которого дублировались все радиogramмы в наш адрес за минувшие сутки на ноль-ноль московского времени. А в Западном полушарии это как раз около четырех часов дня. При тамошней прозрачности воды, при той насыщенности противолодочными средствами, которыми обладали американцы, обнаружить нас было нетрудно. Так вот мне докладывают: “Товарищ командир, прямо по курсу опасный сигнал. Работает гидроакустический буй”. Значит, где-то над нами самолет. Даю команду уйти на глубину. А начальник связи вспоминает, что нужно всплывать для приема “собирательной” радиogramмы...

Когда я слышу песню “Идет охота на волков”, думаю – это про нас...

Идет охота на волков, идет охота!

На серых хищников, матерых и щенков...»

Охота на русских стальных акул продолжалась больше месяца...

Любовь за компот

Самые страшные вахты несли мотористы. В их раскаленных дизельных отсеках температура поднималась выше 60 градусов. От тепловых ударов падали даже крепкие сибирские парни. Один из них, бывший старшина 2-ой статьи Колотов рассказывает:

– Для поддержания сил нам выдавали одну банку компота на четверых. Ничего иного душа не принимала... И ничего вкуснее, чем эти кисловатые вишни в собственном соку, казалось, в мире больше нет. Цедишь из кружки по капельке и думаешь, если вернусь домой живым, куплю ящик таких банок и буду пить каждый день, пока пупок не развяжется. Нет, еще лучше сделаю: приеду на этот самый, – посмотрел на этикетку, – Ейский плодоконсервный комбинат, и женюсь там на самой красивой девушке, и буду каждый день пить с ней вишневый компот и рассказывать, как умирали мы от жары в этом треклятом Саргассовом море.

После службы уехал в родной Барнаул. Конечно же, забыл о своих компотных грезах. Да только как сглазил кто: не задалась личная жизнь, и все тут! Невеста не дождалась, с другой подругой тоже ничего не вышло... И тут как-то выпала из военного билета этикетка того самого вишневого компота. На память ее тогда с лодки прихватил...

Эх, была – не была! Нарядился я в свою дембельскую фор-

му, бушлат накинул, чуб из-под бескозырки выпустил и махнул в город Ейск. Прихожу в дирекцию плодоконсервного комбината и говорю, так, мол, и так, прибыл с Северного флота, чтобы поблагодарить от имени геройских подводников ваш комбинат за отличную продукцию. Прошу собрать трудовой коллектив. Собрали всех в клубе – одни женщины. Как глаза ни разбегались, а одну симпатичную дивчину высмотрел... Выхожу на трибуну и давай рассказывать страсти-мордасти про тропическую жару и как мы все вишневым компотом спасались. Спасибо, вам, дорогие труженицы! Тут аплодисменты и все такое прочее... А теперь, говорю, я должен сказать главное... Но сначала прошу поднять руки тех, кто не замужем. Лес рук. Смотрю, и моя подняла... И вот тут я признался о своем зароке жениться на самой красивой девушке комбината. Спускаюсь с трибуны в зал, подхожу к своей черноокой красавице и предлагаю ей руку и сердце. В зале буря восторга: «Галька, соглашайся! Выходи за него! Мы вам такую свадьбу сгрохаем!»

Девушка, понятное дело, смущается, молчит... Беру я ее за руку, вывожу на сцену и понимаю – моя!

Свадьбу сыграли в столовой комбината на средства профкома. Мне ящик вишневого компота подарили. С тех пор мы с Галиной Степановной вот уже серебряную свадьбу отметили. А мне все компоты дарят. Правду говорят – любовь не картошка!

«Командиров не наказывать», или «Живыми не ждали!»

В Полярный вернулись перед самым Новым годом. Вернулись со щитом. Вернулись все – целые и невредимые. Вернулись без единого трупа на борту, чего не скажешь об иных, куда более мирных «автономках».

Встретили 69-ю бригаду хмуро. Из Москвы уже приехали, как выразился один из командиров, «седые мужчины с мальчишеской искрой в глазах и большими лопатами – дерьмо копать». У комиссии из Главного штаба была одна задача: назначить виновных «за потерю скрытности». Никто из проверяющих не хотел брать в толк ни обстоятельства похода, ни промахи московских штабистов, ни реальное соотношение сил. Лишь профессионалы понимали, какую беспрецедентную задачу выполнили экипажи четырех лодок. «Живыми не ждали!» – честно признавались они. Понимал это и командующий Северным флотом адмирал Владимир Касатонов, который-то и не дал на заклятие ушлым москвичам своих подводников. Более того, подписал наградные листы на всех отличившихся. Даром, что в Москве эти представления положили под сукно...

Маршалы из Министерства обороны и партийные бонзы из ЦК КПСС долго не могли уяснить, почему подводникам рано или поздно приходилось всплывать на поверхность. Ко-

мандиров кораблей вызвали держать ответ в Большой дом на Арбате. Разбор вел первый заместитель министра обороны СССР, маршал Советского Союза Андрей Гречко.

Рассказывает капитан 1-го ранга в отставке Рюрик Кетов: «Вопросы стали задавать один чуднее другого. Коля Шумков, например, докладывает, что вынужден был всплыть для зарядки батарей. А ему:

– Какая такая зарядка? Каких там батарей? На каком расстоянии от вас были американские корабли?

– Метрах в пятидесяти.

– Что?! И вы не забросали их гранатами?!

Дошла очередь до меня.

– Почему по американским кораблям не стрелял? – кипятился Гречко.

– Приказа не было.

– Да вы что, без приказа, сами сообразить не смогли?

Тут один из цековских дядечек тихонько по стакану постучал. Маршал, как ни кричал, а услышал, сразу притих. Но долго не мог врубиться, почему мы вынуждены были всплывать. Еще раз пояснили, что ходили мы к Кубе на дизельных подводных лодках, а не на атомных. Дошло!

– Как не на атомных?! – заревел маршал.

Сдернул с носа очки и хватать ими по столу. Только стекла мелкими брызгами полетели. Высшее военно-политическое руководство страны полагало, что в Карибское море были направлены атомные лодки. Позже мне стало известно, что

одну атомную лодку послали впереди нас, но у нее что-то сломалось и она вынуждена была вернуться в базу.

А лукавые царедворцы не стали передокладывать Хрущеву, какие именно лодки ушли на Кубу.

Слава Богу, что у капитана 1-го ранга Агафонова и его командиров хватило выдержки и государственного ума, чтобы не стрелять по американским кораблям, не ввергнуть мир в ядерный апокалипсис. И главнокомандующий Военно-морским флотом СССР Сергей Горшков, перечеркнув проект разгромного приказа, начертал: «В тех условиях обстановки командирам ПЛ было виднее, как действовать, поэтому командиров не наказывать».

Кто-кто, а уж он-то знал, что и после принудительного всплытия, оторвавшись от конвоя, подводные лодки до последнего дня кризиса продолжали таить угрозу для американского флота.

И все-таки маршал Гречко остался недоволен действиями полярников подводников.

– Я бы на их месте, – мрачно заявил он в кругу коллег, – вообще не всплывал.

Все было так, как в дурашливой армейской песенке:

На утро вызывают
В особенный отдел:
«Что же ты, подлюка,
В танке не сгорел?!»

А потом приехал Фидель Кастро. У вождя кубинской революции было другое мнение о роли советских подводников в Карибском кризисе, и он попросил представить ему героев Саргассова моря. Ему и представили... Агафонов до сих пор не может простить той давней обиды.

...В честь прибытия главы кубинского правительства на Северный флот состоялся парад кораблей. В общем строю на североморском рейде стояли и все четыре лодки 69-й бригады. После официальной церемонии Б-36 и еще одну дизельную ракетную подводную лодку, 629-го проекта, не ходившую под Кубу, поставили у причала. Длинный и высокий корпус ракетносца загораживал щупловатую «букашку». Напрасно капитан 2-го ранга Дубивко, ближе всех прорвавшийся к Кубе, ждал на мостике высокого гостя. Его отвели на ракетносец.

– Для меня так и осталось загадкой, – пожимает плечами Агафонов, – почему Фидель не посетил Б-36... Видимо, наше руководство решило, что подводный ракетносец произведет на него большее впечатление своими размерами, а главное – наличием на борту мощных баллистических ракет.

Скорее всего, так оно и было...

На тридцать три года, как в недоброй сказке, была заколдована слава 69-й бригады дизельных подводных лодок Северного флота. Бесценный боевой опыт засекретили и хранили за семью печатями, доводя его до специалистов лишь «в части касающейся». Низкий поклон контр-адмиралу Ге-

оргию Костеву, который первым публично поведал о подвиге своих товарищей по оружию.

Сделал свои беспристрастные выводы и контр-адмирал Владимир Лебедько в своей мемуарной книге:

«Основной причиной неудавшегося прорыва дизель-электрических ПЛ к Кубе явилось отсутствие достаточного опыта у их командиров в уклонении от противолодочных сил противника, а также некоторые пробелы в подводных тактико-технических элементах и тактике. В ходе развертывания подводных лодок им нарезались ограниченные по площади районы маневрирования и ожидания (при отсутствии запасных районов), без широкого фронта прорыва к острову, учета светлого и темного времени суток при выходе на радиосвязь в надводном положении, определении ими своих мест и другие».

Карта на кухне

Большая часть матросов 69-й бригады была рождена в грозном сорок первом году. Тогда, в шестьдесят втором, их бросили под американские авианосцы, как в сорок первом бросали пехоту – их отцов – под немецкие танки. Вдумайтесь в этот расклад: на каждую агафоновскую подводную лодку приходилось по противоположному авианосцу (40 самолетов и вертолетов) и свыше 50 кораблей, оснащенных изощренной поисковой электроникой. И это, не говоря уже о том, что поле брани освещалось системами СОСУС и «Цезарь». За всю историю мирового подводного флота никому и никогда не приходилось действовать во враждебных водах против такой армады противоположных сил! Тем не менее «великолепная четверка» бросила вызов большей части американского флота и вела свою безнадежную игру умело и дерзко.

Национальный герой России (даром, что ей неведомый) капитан 1-го ранга в отставке Виталий Наумович Агафонов жил до недавнего времени у черта на куличиках – на дальней окраине Москвы, за Выхино, на улице Старый Гай. Комбрига 69-й и его подводников американские телекомментаторы называли «пиратами Саргассова моря». Соседи Агафонова здорово бы удивились, если бы им сказали, что этот седенький божий одуванчик был когда-то главой «пиратов Саргассова моря»: ни те черного наглазника, ни те попугая на пле-

че.

– Возможно, американцы и считали нас пиратами, – усмеяется Агафонов, – но для кубинцев мы были прорывателями блокады, героями Карибского кризиса...

В сороковую годовщину Кубинского ракетного кризиса в зале московского Карнеги-центра собрались ветераны тех давних событий. Приехала и представительная американская делегация во главе с бывшим министром обороны США Макнамарой. После торжественной части я подвел к Макнамаре Агафопова и Шумкова, представил их:

– Господин министр, вот командиры тех подводных лодок, которые вы искали в Саргассовом море.

Макнамара крепко пожал им руки. Дай Бог, чтобы все международные конфликты кончались таким же образом.

А за два года до этой встречи, то есть спустя тридцать восемь лет после «президентской охоты», мы с Виталием Наумовичем Агафоновым, разлили у него в гостиной по маленькой «за тех, кто в отсеках», и он щелкнул ногтем сначала по краю стопки, затем – дважды – по доньшку: чтоб на одно погружение приходилось два всплытия.

Работал телевизор. С экрана снова, как и в 1962, веяло войной. Диктор подсчитывал часы до воздушного удара по Сербии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.